

ЛЕВ КУЗЬМИН

ЗАВЕТНОЕ ДЕЛО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1984

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

--	--	--	--	--

ППФ Гознака.

ЛЕВ КУЗЬМИН

**ЗАВЕТНОЕ
ДЕЛО**

БЫЛЬ

Рисунки В. Юдина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1984

ВАЛЯ

История эта началась во время Великой Отечественной войны. Жила в рабочем городе Перми девочка Валя, и пришла она поступать на машиностроительный завод.

Сначала не на сам завод, конечно, пришла, а в контору. Но и оттуда из окон видно: завод огромный — от шума, от лязга да от зимней стужи воздух на заводском дворе дрожит, и народ там пробегает всё не улыбочивый, всё даже как будто сердитый.

В конторе тоже люди строгие. Однако с Валею — с такой тогда малышкой-худышкой, что одни лишь глаза из-под серой шали и светятся, — говорить стали.

Вернее, удивились:

— Ты здесь зачем? У нас дело нешуточное.

И советуют:

— Тебе надо подрасти. Тебе нужно хотя бы ещё чуть-чуть посидеть дома.

А Валя им отвечает:

— Не с кем мне дома сидеть. Мамы у меня нет, папы теперь тоже нет, брат Миша на войне. Остались со мной только братец Аркаша да сестрёнка Ксюша. Но они-то работают, помогают фрон-

**ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА!
ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!**

ту. Вот и я хочу помогать фронту... А расти можно и за делом, пускай даже за нешуточным. Разве не так?

Конторские служащие кивают:

— Так... Но всё равно тебе будет нелегко.

— Потому что рабочие сердитые? — показала Валя за окна.

И тогда конторские грустно улыбнулись, грустно вздохнули:

— Что ты... Это они просто все очень заняты и, конечно, все очень устали. Война идёт третий год... А ты, если такая упорная, то получай назначение в цех. Но работу всё же мы тебе дадим, какая полегче и попроще.

ДЕТАЛЬКИ

Работа, на которую назначили Валу, и впрямь сначала показалась не трудной.

Плывёт вдоль цеха неторопливо длинная лента-конвейер. У ленты за столиками сидят взрослые рабочие и почти такие же, как Валя, ребяташки.

Лента плывёт бесконечно, а рабочие всё бросают и бросают на неё железные, крохотные, блестящие детальки. Со стола из ящика детальку возьмут, к лекалу — к такой специальной измерительной пластинке детальку приложат, секунду подумают и детальку кинут на ленту или в другой, в пустой ящик.

И так всё время. Кажется, что тут не работа, а игра: Валя даже об этом сказала вслух.

Но тётенька-мастер, которая привела Валу в цех, тут же её поправила:

— Судить, Валя, не спеши. Измерять, проверять детальки куда как не легко. Наиграешься за целую-то смену — ое-ёй!

Так оно и получилось.

Отбор деталек — вправо хорошие, влево плохие, вправо хорошие, влево плохие — пошёл у Вали в первые полчаса быстро. Во вторые полчаса пошёл чуть тише. А потом и совсем в глазах от деталек зарябило — работа почти стала. Уже и не видит Валя, где — хорошо, где — плохо. Да и страшно ей: если сделаешь ошибку, то негодная деталька уплывёт вместо хорошей по ленте, и тогда рабочие скажут: «Не помощница ты, Валя-Валентина, нам, а всего лишь хвастунишка!»

**ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ!
ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!**

СТАРШАЯ

Но вот начала справляться со своим делом и Валя. Да так, что её, несмотря на малый ростик да тонкий голосок, поставили над ребяташками-рабочими в цехе старшей. Поставили за умение, а ещё — за славный, дружественный характер. Если кто, бывало, отстаёт, то Валя не ворчит, Валя не насмешничает, а показывает собственными руками, как надо. Ну, а если к концу долгой смены устанут ребята, то Валя расшевелит их какой-нибудь бодрой выдумкой.

Она улыбнётся, скажет:

— Проверю сегодня ещё сто деталек — наши войска освободят от фашистов деревню... Проверю двести деталек — наши войска освободят посёлок!

Ребята подхватывают:

— Я — тоже! Я — тоже!

И вот опять работа пошла ладнее да живее, а радиорепродуктор с высокой стены на самом деле в этот же вечер на весь цех говорит о новых освобождённых деревнях, о новых освобождённых посёлках и даже о городах.

Армия-то наша, советская, уже наступала тогда вовсю, и ясно, что ребяташки загадывания исполнялись лишь по этому, по счастливому совпадению. Но — хотя, как знать, как знать! Крохотные железные детальки шли тоже все до единой для фронта.

УЗЕЛОК

В общем, всё бы ничего... Пускай не было почти выходных, пускай ради полной победы наших войск над гитлеровцами не покидали рабочие цехов и станков по целым суткам, — но вот при таком напряжённом труде не хватало рабочим питания. Самого обыкновенного хлеба не хватало. И особенно от нехватки этой маялись цеховые подростки. У них ведь, у подростков, дел сразу два: они — работают, они — растут. Им хлеба лишь подавай да подавай, а подавать неоткуда, хотя заводские руководители старались, конечно, поддержать ребят, чем только могли.

И вот тут Валя вдосталь нагляделась на нужду людскую.

Грустно было по серым рассветам в низеньком, ещё при отце-

матери отстроеном домике смотреть, как брат Аркаша и сестра Ксюша поднимаются устало на работу. Печально было видеть, как шарят они на холодной кухне по полкам, как снова и снова выдвигают да задвигают ящики стола, а там — ни крупинки, ни солинки.

Ничуть не веселей было и у товарищей по цеху. Норму свою хлебную невеликую, на весь день полученную, многие ребята съедали в один присест, а потом только и спрашивали:

— Сколько хоть времени теперь? Скоро ли столовую на обед откроют? Там ведь можно ещё получить по талону тарелку супа...

А иной, глядишь, дожидался обеда, дожидался, детальки на конвейер складывал, складывал, да вдруг голову на руки опустил, от голодной слабости задремал, а это уж совсем беда. Беда, потому что и невеличке-труженику плохо, и его такая важная для фронта работа остановилась.

Валя заставила себя свой хлебный паёк разом не съесть, о столовском жиденьком супе в рабочее время не разговаривать и даже не думать.

Она изобрела для себя довольно хитрое отвлечение.

Она свой хлеб, свою чёрную, с отрубями пополам, но всё равно нестерпимо запашистую горбушку получит, от краешка, от горбушки отщипнёт — и завяжет всё остальное в платок.

Завяжет тугим узелком, положит на стол перед ящиком с детальками и — работает.

Поработает, поработает — снова к узелку потянется и снова от хлебца отщипнёт самую малость... И так — почти всю смену.

Порядок этот, конечно, тоже радостен не шибко. Он очень крепкой силы воли требует, а сытости не прибавляет. Но всё же при нём, при таком порядке, хотя бы не задремлешь, работу свою, какая положена, выполнишь всю и в срок. Многие ребята стали этот Валин порядок перенимать.

ГОРЯЧАЯ ПРЕМИЯ

Вот оно и наступило — звонкое, синее первомайское утро сорок пятого года!

В то утро везде, по всей Перми, гремела музыка.

В то утро в цех через высокие пыльные стёкла, словно по заказу, плескало солнце. Радиорепродуктор так и дрожал от уверенного дикторского голоса: шло сообщение за сообщением, что

бойцы наши теперь в самом логове врага, а стало быть, скоро и войне конец.

Заводской комитет тоже по радио объявил: «В честь праздника всем выходной! Взрослым — отдых, подросткам в прибавку к тому — в столовой горячая премия!»

Где и как разжился комитет продуктами, Вале было неизвестно. Но премией оказался наваристый, с брусочками сала, с лавровым листом, с перцем борщ. От одного только духа этого борща у Вали пошла голова кругом. Валя, при всей своей силе воли, так тут на борщ и навалилась бы, да не успела миску в руки взять, в голове пронеслось: «Ох, что это я? В такой праздник такую вкуснотищу собралась выхлебать без Аркаши с Ксюшей. У них ведь, наверное, тоже выходной. А горячую премию им, возможно, и не выдали — они работают не на нашем заводе».

И Валя выпросила у поварихи алюминиевую крышку для миски, увязала обед в платок, полетела с драгоценною ношей домой.

Домик их был на другом берегу, за рекой Камой. А Кама-река, вся в этот день голубая, расплеснулась вширь на километр, и переезжать её надо было на стареньком пароходике.

Пароходик мал, от праздничной толпы, от весёлого люда на палубе ступить негде: борщ, того гляди, разольют. Валя узелок с миской как выше головы подняла, так с поднятыми руками до самого до того берега и ехала.

Сбежала по шатким сходням, помчалась к домику. А там и верно: со своего завода вернулся Аркаша.

Он под зелёною черёмухой у сарайчика топором тюкает, что-то починяет, Валу не видит.

Валя кричит ему ещё от калитки:

— Аркаша, Аркаша! Ты посмотри, что я тебе на Первомай, на праздник принесла... Ну, посмотри!

Аркаша глянул — даже выпустил топор из рук.

ВСЯ В МАМУ

Потом они борщ разогрели, и Аркаша сидел за столом, борщ хлебал.

Он хлебал и всё говорил:

— Ты, Валя, давай тоже ешь! Это ведь борщ твой, твоя премия.

А Валя к ложке лишь притрагивалась и вздыхала. Но вздыхала она не оттого, что борщ убывает так быстро, не оттого, что праздник скоро тоже кончится, а потому, что ей вдруг стало жалко Аркашу.

Годами он старше Вали. Он, можно сказать, почти взрослый, а исхудалое лицо, тонкая шея в широком вороте рубахи всё ещё как у заморённого мальчишки. Да и сам он весь, как тростинка, и лишь руки у него большие, мужские, в тёмных ссадинах от слесарной работы. Война и ему нелегко далась, за войну и ему всякого досталось.

Аркаша Валино настроение видит, миску отодвигает смущённо.

— Ох, Валя! — говорит он. — Ты вся как есть в нашу маму... Та вот так же когда-то — всё, что получше, нам отдаст, а сама лишь глядит да молчит. Ты добрая, Валя. Спасибо тебе.

— Не за что... — отвечает Валя. — Если бы я могла, то ещё и хлебцем бы тебя угостила... Знаешь, Аркаша, про что мне всё думается теперь? Насмотрелась я, как плохо людям без хлеба, и вот, когда войне подходит конец, встать бы мне на такое дело, чтобы хлебом кормить всех.

— Кого это — всех? Меня, себя, Ксюшу, что ли?

— И тебя, и Ксюшу... Но главное — весь наш рабочий посёлок, а то и весь наш город.

— Как в сказке? — улыбается Аркаша.

— Может, и так...

— Ну-у, — говорит Аркаша, — сказки, они сказки и есть. Чудес там полно любых. Но вот чтобы кто-то взял да сам — один многих людей хлебом накормил, такого чуда я что-то не слыхивал даже в сказках. Изю всех чудес, должно быть, это чудо самое наитруднейшее, вот о нём сказки никто и не придумал.

— Придумал! — спорит Валя. — На заводе зимой, бывало, закончится вторая смена, а на улице ночь, мороз. А транспорт из-за стужи до утра встал, и ребята соберутся где-нибудь в цехе, в уголке, возле паровых батарей, да сказки-то всё друг другу и рассказывают. Даже сами складывают их... Один мальчик прямо при всех при нас придумал такую сказку, о которой, Аркаша, ты говоришь.

— Да ну? — удивляется Аркаша. — Так перескажи мне!

Валя глядит в окошко на Каму.

Глядит на пароходики, на майские облака.

Начинает тихим голосом.

СКАЗКА ПРО ЧУДЕСНОЕ ЗЁРНЫШКО

— Жила в одной деревеньке девочка. И всё у неё и во всей деревеньке шло хорошо. Но хорошее вдруг кончилось. Посеют деревенские люди пшеницу, а следом неожиданно ударят морозы — пшеница вымерзнет. Посеют на другой год ячмень, а тут навалится засуха — ячмень выгорит. Худо стало в деревеньке! Не пахнет больше в избах тёплыми караваями, не булькают в печках горшки с кашей, новый посев начинать тоже нечем, да и разуверились люди: «Что, мол, теперь начинать? Всё равно, сей не сей, а ничего уж доброго не взойдёт...»

И вот — кто залёг на нетопленную печку, кто в углу сидит, на опустелые поля даже в окошко не глядит; приуныли и родители девочки. Лишь сама девочка всё выбегает на крыльцо, за калитку, уходит по тропинкам в окрестные поля.

Родители, конечно, спрашивают: «Зачем?» А девочка отвечает: «Не хочу без дела сидеть, не хочу весь день в пустой угол глядеть... Я на тропинках-то, может, выхожу что-нибудь живое!»

И — верно. Ходила она, ходила — видит однажды этакое гнёздышко-шалашик. Шалашик ей всего до лодыжки, но внутри кто-то как будто шебуршит.

«Живое нашла... Перепёлочка!» — ахнула девочка тихо и в шалашик заглянула. А там совсем и не перепёлочка, а крохотный старичок. Он синими глазками смотрит и говорит девочке:

— Ну вот, я хоть кого-то дождался!

— Кого же ты дожидался?

— Ваших деревенских...

— Да кто ты сам такой? — удивляется девочка.

— А я — полевичок! Я вашим деревенским посевное зёрнышко сохранил. Оно — счастливое. Только надо за ним поухаживать. Зови сюда всех желающих.

Девочка — в деревню, девочка стучит во все окошки:

— Я старичка-полевичка встретила! У старичка есть одно счастливое зёрнышко! Кто желает за зёрнышком поухаживать?

Только никто на стук не выходит. Все говорят:

— Какой такой старичок? И что проку в одном зёрнышке? Вот если бы воз, тогда бы — да; а так, заниматься незнамо чем да на удачу, нет у нас больше никакого желания...

Родители ответили так же, и девочка вернулась к шалашику одна.

Старичок головой покачал:

— Что ж... Раз деревенские люди всякую веру да желание растеряли, то и мне для них не сделать ничего.

Старичок нахлобучил потуже соломенный картузик, и девочка поняла, что он собрался уходить.

— Постой, дедушка! — закричала она. — Постой! Желание растеряли не все! Ухаживать за зёрнышком желаю я!

— Ой ли? Желание должно быть крепкое. Не на минуту, не на час, не на день.

— Оно у меня навсегда! Говори, что делать?

И старичок подал девочке обыкновенное с виду зёрнышко:

— Надо его здесь вот посадить да как следует полить.

— Вмиг посажу! Вмиг полью!

Побежала девочка в деревню, принесла лопату, притащила ведро колодезной воды. А когда посадила зёрнышко и собралась поливать, то старичок говорит:

— Колодезная вода слишком жёсткая. Тут нужна водица мягкая, речная.

Речка была далеко, берега круты. Мягкой водицы девочка принесла, но пересохшая земля воду выпила сразу, опять стала сухой, и старичок говорит:

— Неси ещё!

Так и таскала девочка воду целый день. А ведро тяжёлое, а руки не слишком сильные, да и всё время есть хочется. Старичок же спрашивает об одном:

— Желание твоё не пропало?

— Не пропало, не пропало...— едва девочка шепчет и воду всё таскает.

И вот когда вытаскала чуть ли не половину речки, земля с зёрнышком напилась вдосталь. А тут и день кончился.

— Отдыхай! — разрешил старичок.

Приткнулась девочка ничком у шалашика: ночевать домой ноги не несли.

Наутро, едва зажглось солнышко, старичок командует:

— Подымайся!

Поднялась девочка, опять было взялась за ведро, да глянула на вчерашнюю политую бороздку и — опешила! Стоит там дерево — не дерево, стебель — не стебель, но качаются на нём два огромных зерна. Одно — янтарное, другое — золотое. А старичок улыбается:

— Это чудо ещё не всё! И работа не вся. Бери зёрна, пойдём искать жернова-меленку!

Жернова были у девочки дома в чулане; там, не успели прийти, старичок распоряжается:

— Золотое зерно спрячь, бросай в жернова янтарное. Да крути, старайся!

И вот девочка старается, жернова на всю избу гремят. Родители выглянули на шум:

— Что опять такое? Молоть у нас нечего, а ты крутишь жернова!

Старичок за девочку спрятался, шепчет:

— Молчи, не объясняй!

И девочка промолчала, родители вернулись в избу.

А девочка жернова всё крутит, а верхний круг, железом кованный, весом в пуд. А янтарное зерно катается, как камень, и муки от него ни пылинки. У девочки спина разламывается, старичок же всё спрашивает своё:

— Не исчезло желание? Не исчезло?

— Не-ет...— говорит девочка, а сама чуть не плачет. За вчерашний день да за сегодняшний она очень устала.

Но тут в жерновах лопнуло твёрдое зерно, посыпалась в подставленное лукошко мягкая мука. Да столько её посыпалось, что и другие все лукошки в чулане наполнились доверху.

Захлопала девочка в ладоши:

— К папе, к маме побегу! Пускай обрадуются, пускай мама скорее на всю деревню хлеба напечёт!

А старичок:

— Хлеб на всю деревню должна испечь ты сама.

— Не умею! — говорит девочка.

— Постараешься — научишься.

Опять настало утро. Поднялась девочка — и давай протапливать давно не топленную печку, давай — умела не умела! — заводить тесто. Мать с отцом тоже проснулись и — ахнули! Пылает в избе печка, пахнет свежим тестом, с большою квашнёй возится их дочка. Возится, а сама с ног до головы вся в этом тесте да в муке. Мать обрадовалась и растерялась: «Откуда всё это?» Но не спрашивает теперь ничего, лишь, видя, какая девочка неумелая, хочет ей помогать. А девочка отмахивается:

— Помогать, мамушка, ты можешь мне только советом.

Старичок шепчет: «Правильно! Только советом...»

Сама девочка по мамушкиной подсказке поставила тесто подниматься, сама потом его разделала, посадила на противни да в печку. А как противни вытащила, так руками всплеснула. Хлебы в печке не испеклись, лишь закисли. Мать — охает, девочка — в слёзы. Забыли они второпях закрыть печную трубу вьюшкой, и жар из печки улетел раньше времени.

А старичок посмеивается:

— Это — учёба... Заводи тесто снова да ладом!

Начала девочка всю работу снова да ладом. И когда из вновь истопленной печки потянуло поджаристым да запашистым, сбежала вся деревня. Шумит народ у крыльца, спрашивает:

— Что это у вас? Неужто хлеб?

А девочка с матерью выносят караван:

— Хлеб! Угощайтесь, поправляйтесь!

Девочка добавляет:

— Это от полевичка, в которого вы не поверили.

— Теперь верим! — говорят соседи. — Теперь бы нам его увидеть, мы бы извинились.

— А вот он! — улыбается девочка.

Оглянулась — нет полевичка. «Ах! Он, должно быть, спрятался в избе». Побежала в избу — нет старичка. Обшарила сени — нет старичка. Заглянула в чулан — вот он, старичок, примостился за жерновами рядом с тем, вторым, золотым зерном.

— Покажись людям! — просит девочка.

— Теперь незачем.

— Но они же в тебя поверили!

— Верить в меня не обязательно. Я — был, да и пропал! Верить им надо в себя. Верить и дело делать, если даже и трудно. Ведь тебе трудно было?

— Ох, — говорит девочка, — было!

— А если бы снова всё? Ты бы не отказалась?

— Пожалуй бы, не отказалась...

— Вот пойдёшь да расскажи всё это людям сама и передай им золотое зерно. Тебе же напоследок завет: если на что доброе решилась, то от своего желания не отступайся. А теперь — прощай!

И старичок будто растаял. Осталось в чулане лишь золотое зерно. Девочка вынесла его людям, и они золотое зерно посадили.

Вырос из него большой колос с бессчётным числом зёрен пшеничных. Их достало засеять все пашни. Жизнь в деревеньке пошла опять хорошая. А если случалась беда, то люди, веря в себя, рук теперь не опускали. Они надеялись, они работали, если даже у них оставалось одно-единственное зёрнышко. Оно, зёрнышко-то, даже и простое, ведь может обернуться чудом.

Тут Валя умолкла.

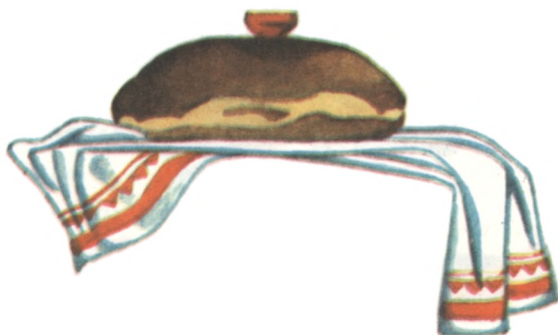
— Всё? А девочка? — спросил Аркаша.

— Про девочку нам мальчик тогда в цехе больше ничего не говорил. Дальше про девочку я придумала сама. Запомнили люди, как она угощала их своим хлебом, и теперь, что ни праздник, приходили к ней: «Вот тебе мука, испеки нам для общего стола такой же, как тогда, каравай!» И девочка от поручения не отказывалась. А караваи у неё выходили такие, что скоро она и во всех соседних деревнях прослыла мастерицей.

Вот, Аркаша, и я хочу быть похожей на эту девочку. Только с чего мне начать? Кто мне тут что посоветует? Полевичка в городе не найдёшь...

Аркаша соглашается:

— Не найдёшь. Тут папа мог бы посоветовать. Он тоже нам раньше всё говаривал: «Надейтесь, старайтесь! Всему голова — труд».

АККУРАТИСТКА

Кончилась война, и Вале сказала старшая сестра Ксюша:

— Хотение твоё, Валя, исполнимое. В деревенских полях теперь грохочут не танки с пушками, а колхозные трактора с плугами да сеялками. Значит, скоро заработают по-настоящему и хлебозаводы в городах. Ну, а раз ты ничего иного не желаешь, как только всех хлебом кормить, то вот и ступай на хлебозавод... А с деталек тебя отпустят. Помогла Победе, помогай налаживать в городе добрую, мирную жизнь.

Хлебозавод, на который поступила Валя, был старенький. Его после той, после прежней Валиной работы и заводом-то назвать было трудно. А как дымила тут, над рекой Камой, на высоком берегу когда-то пекарня, так она и осталась тесной, с кирпичными, старыми печками пекарней.

У печек в пекарне рабочим не повернуться. От печек духота, угар. И всё здесь делают безо всяких тебе машин, станков, самоходных конвейеров. Муку в кулях грузчики с криком: «Зашибу-у! Посторонись!»—таскают на собственных плечах, тесто рабочие-пекари месят в широченных посудинах чуть ли не кулаками...

Валя, может, и напугалась бы, увидя всё это, да вспомнила про ту девочку из сказки. Вспомнила, сказала себе: «Э, нет! Я от своего желания не отступлюсь!»

А было Вале, пожалуй, потрудней, чем той девочке. За девочкой смотрели старичок, мамушка, а Валу на хлебозаводе не знает никто, она сама как следует не знает никого, а главное — ничего. И стала она поначалу делать работу, которая называется — «куда пошлют!»

Скажут: «Иди полы да лестницы вымой!»—она берёт ведро, швабру, тряпки, моет, скоблит затоптанные полы.

Прикажут: «Иди, грузчикам помоги! Грузчиков не хватает сегодня...»—и она идёт помогать грузчикам, таскает ящики с солью, мешки с мукой.

Глядя, как Валя работает, пекари говорят: «Смотри, какая безотказная, терпеливая... Откуда это у неё?»

А Валя улыбается:

— Да ниоткуда! Просто так!

Но про себя думает: «Это у меня от папы, это у меня от мамы. А ещё от того сказочного старичка. Если я его завет буду выполнять, то настоящим хлебопёком стану».

В скором времени выдали Вале новенький синий халат, вручили мягкую, чистую ветошку. И встала она с другими девушками в ряд смазывать чёрные, обгорелые, громыхающие, будто сковороды, формы. А смазывать надо быстро! После смазки формы к тестоделам идут, потом, наполненные тестом, отправляются в печку.

А печек не одна — девять. А все, кто формы тестом набивает да потом их в печки сажает, кричат на смазчиков: «Давай, давай, давай!» И смазчики спешат, ветошками по формам шлёпают. Валя тоже шлёпает, — поглядеть на себя и друг на друга нет ни у кого ни минуты.

Но вот смена кончилась, всё смолкло, работницы вздохнули. Вздохнули, потом на новенькую посмотрели, да и говорят:

— Ого!

Валя тоже оглядывает себя так и этак, а работницы смеются:

— Всё в полном порядке! Мы смотрим на то, какая ты, оказывается, аккуратистка. Мы, смазывая формы да поспешая, урызгались маслом с ног до головы, а на тебе халатик и сейчас, будто из магазина. Работала, от нас не отставала, а на халатике — ни пятнышка. Ну и ну!

С тех пор Валу так и прозвали аккуратисткой.

КАКОВ МАСТЕР — ТАКОВ И КАРАВАЙ

После войны город рос, заново молодец, молодец вместе со всей Пермью и пекарня над Камой. Она стала хлебозаводом совсем настоящим. А настоящий хлебозавод — это уже не квашня да кирпичная печка, тут без крепкой учёбы ни в чём сразу не разберёшься. И если осталась здесь где теперь какая теснота, то она не от многолюдства, она от множества умных, сложных машин.

На заводе теперь чисто, угара нет. Грохота, гама, крика тоже нет. Но если встать да прислушаться, то кажется, что вокруг дышит и шевелится кто-то очень огромный.

Гудят на всех этажах шмелиными голосами электромоторы. Под высокими бункерами в лотках-шнеках тихо шепчет, сыплется мука. По длинным трубам тёплая вода с весёлым бормотанием течёт. А вот здесь закваска булькает. А там тесто в мешалках как бы само собой ворочается, пузыри пускает, будто сердится, и — ползёт, ползёт туда, где новая заводская печь.

Но и печь теперь — одно имя что печь.

На самом же деле — это тоже хитроумная машина с газовым огнём и с паром внутри.

Перед нею тесто плюхается точными долями в формы, громадина-печь формы загребает железными лапами, пошумливает — выдаёт пышные, румяные, все ровные, как на подбор, горячие буханочки!

Вот и попробуй такой техникой безо всякой учёбы поуправляй. Не управишься ни за что. И Валя вместе с друзьями, с подружками училась у своих наставников прямо тут, в цехе, изо дня в день. А когда выучилась, то опять, как прежде на детальках, за понятливость да за славный, дружественный характер Валу назначили старшей. Причём старшей по целой смене, а это значит: отвечать Вале за все до одной буханки, которые сегодня испекутся и будут отправлены в булочные, в город.

Тут вышел тоже случай, из-за которого Вале — в который уж раз! — пришлось вспомнить девочку из сказки.

Отработала Валина смена в ночь, разбежались на заре по городу автофургоны с тёплыми буханками; усталая, но с хорошим настроением отправилась отдыхать домой и Валя.

В новый вечер опять шагает на завод. А там ждёт уже Валу начальница цеха. Та самая Валина руководительница, у которой Валя многому доброму по работе-то и научилась — Харитина Степановна.

— Тебе, — говорит она, — пришёл привет!

— Какой? От кого?

— От города...

— Шутите?

— Идём в конторку, там увидишь, шучу или не шучу.

Заходят они в конторку, а на столе у Харитины Степановны буханка.

Буханка как буханка, но Валя сразу видит — вчерашняя.

— Моя?

Харитина Степановна достаёт ножик-хлебрез:

— Твоя. Только не из печки, а из магазина. Сама испекла, сама режь да ешь.

Валя буханку разрежала, поднесла ко рту хлеб, да и тут же обмерла:

— Батюшки! Он же без соли... Пресней травы! Как его вчера продавали-то? Ох стыдобушка!

— А его почти не продавали, его — вернули... В чём дело, Валентина?

Но Валя и сама не знает, в чём дело. Скорей всего в том аппарате, в той дырочке, через которую рассол бежит, застряла крупная, нерастаявшая солинка. Та работница, что за это отвечает, зазевалась, а Валя в других делах закрутилась, не проверила. И несолёное тесто в самоходные люльки всё плюхалось да плюхалось, таким и в печь пошло.

Вот и конфуз.

Солинка, разумеется, постепенно растворилась, а конфуз — остался.

Когда Валя прибежала от начальства к своим рабочим, то все про всё уже знают, все смущённо переглядываются. Ждут: будет им сейчас от старшей нагоняй, да ещё какой!

А Валя посмотрела только на всех, приткнулась к стенке, да и заплакала.

Кто-то один сразу не выдержал, давай утешать:

— Ну, ошиблись... Ну, исправимся... Ну, не горюй...— И пошутил: — Не лей слёз! Не пирог ведь испортили на твоей на собственной свадьбе.

Но рабочие вмиг зашумели на шутника:

— Что значит «не лей»? Что значит «на собственной»? Выходит, собственное портить нельзя, а то, что идёт для всех, то испортить можно?

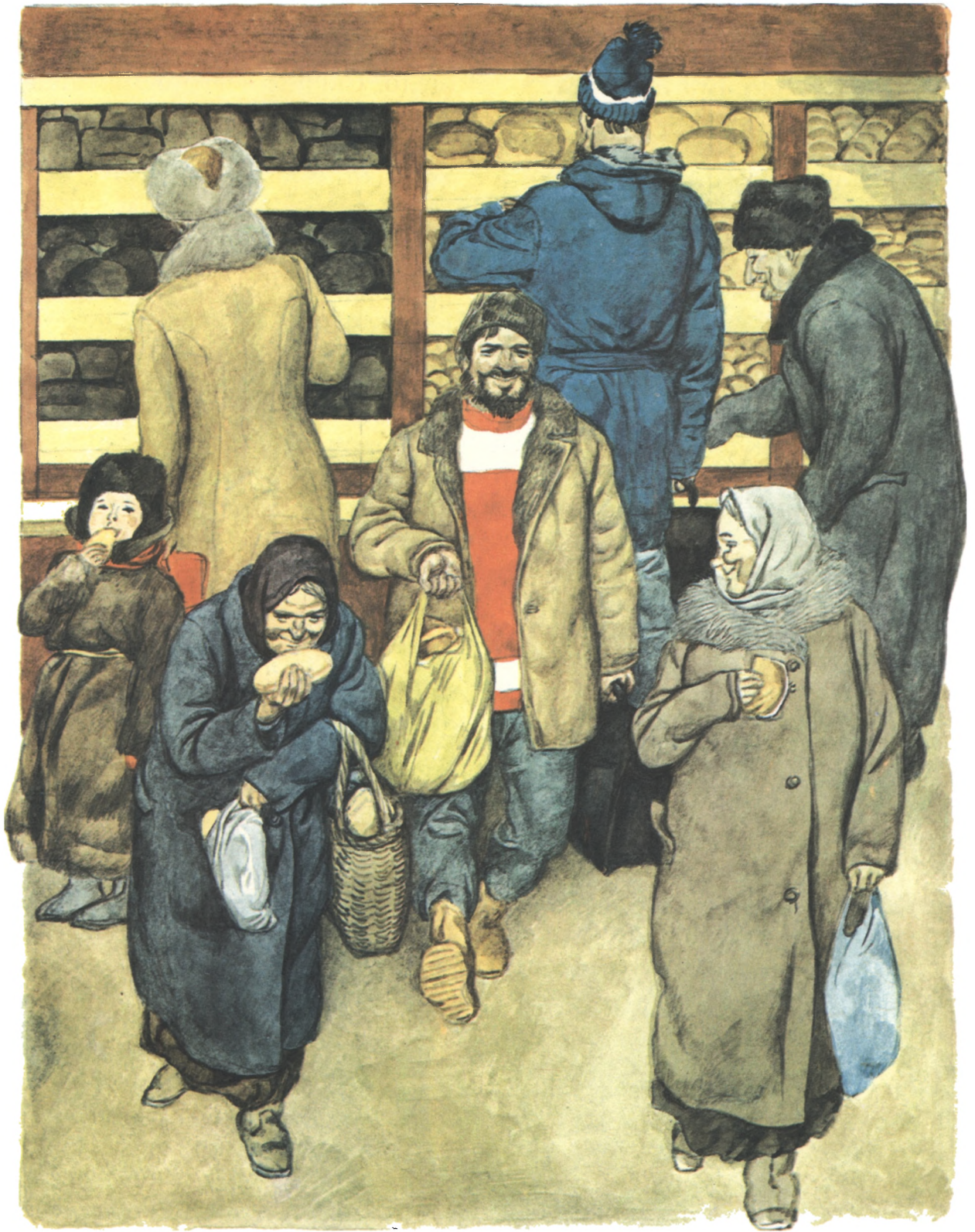
И с таким они напором принялись бедолагу-шутника воспитывать, что Валя уже и не плачет, а улыбается: «Расчудесный у меня в бригаде народ! Не каждый для себя, а каждый для всех... А это, пожалуй, важнее самого хлеба!»

И вот, хотя и вышла у Вали тогда неудача с выпечкой, отчего и сказочная девочка со всеми её горестями да радостями опять припомнилась, — дружная Валина смена осталась на заводе передовой. А приветы из городских булочных приходили вновь. Но уже с вопросом:

— Что у вас за смена на заводе такой вкусный хлеб печёт? Покупатели выпечку хвалят каждый раз.

И каждый раз начальница пекарного цеха, а то и сам директор завода довольно усмеваются, отвечают в телефонную трубку:

— Этой сменой у нас руководит Валентина Павловна Соловьёва. Наш лучший мастер-хлебопёк. А каков мастер — таков и каравай!

ЗАВЕТНОЕ ДЕЛО

Вот и стала Валя не просто Вале́й, а Валентиной Павловной. Сложилась у неё к тому времени, так же как у брата Аркаши, как у сестры Ксении, своя очень хорошая семья. В цехе тоже всё идёт так, что Валентину Павловну только все уважают да хвалят, и тут бы тому и радоваться, на том остановиться.

Но обсуждали раз на собрании рабочие общие заводские дела и говорят:

— Бригада Соловьёвой у нас передовая, лучшая. А вот другие — нет-нет, да и отстают... Как бы сделать так, чтобы подтянуть отстающих?

И одни говорят одно, другие говорят другое, начался спор.

Валентина Павловна молчит, думает: «В самом деле — как? Чтобы подтянуть целую бригаду, целую смену, чтобы научить её работать по-новому, нужен и новый, умелый бригадир. А где его взять, умелого? Он у ворот не ждёт...»

И вот она так думала, думала, да вдруг, совсем для себя неожиданно, и сказала:

— Если доверяете, давайте одну, самую отстающую, бригаду мне... А моя старая справится теперь без меня.

Подруги даже руками замахали:

— Ты что? Ты что? В уме? Хорошее меняешь на худое... У тебя теперь семья! У тебя теперь своих новых хлопот полно, а с отстающими — замучаешься!

Но слово не воробей, слово сказано. На слово на такое всё заводское собрание ответило:

— Правильно! Вот это настоящий рабочий поступок!

И пришлось Валентине Павловне Соловьёвой в который уж раз трудно, да только и та, вторая, бригада на заводе, а потом ещё и третья стали в конце концов бригадами тоже замечательными.

А ещё через несколько лет весь завод поздравлял Валентину Павловну с наградой, с высоким званием Героя Социалистического Труда.

Все произносили речи, все улыбались. Даже цех заводской, тут, за дверью рядом, шумел машинами как бы радостнее, шумел по-праздничному. А вот сама Валентина Павловна и одного словечка вымолвить не могла. Она лишь взволнованно думала: «Как же так? Откуда на меня, на бывшую девчоночку-несмышлёночку, которая и на завод-то пришла всего лишь полемойщицей, обруши-

лось теперь столько счастья? Может, ошибка? Может, зря мои товарищи меня хвалят? Ведь руки рабочие, умелые есть на заводе не хуже моих...»

Но Валентина Павловна думала о себе так, а друзья — иначе. Руки руками, а знали многие и то, что у неё, у той прежней девчонки-несмышлёночки было ещё и редкостное сердце. Сердце, которое помнило не только детские сказки трудных военных лет, а и помнило, всё не забывало самих тех ребяташек у военного конвейера; помнило, что значит для рабочего человека в тяжёлую годину обыкновенная ржаная горбушка. Такое умное сердце, которое уже тогда подсказало маленькой хозяйке своей: «Нет заветней дела на белом свете, чем людей хлебом насущным кормить!»

...И вот проснёшься утром, распахнёшь окно, и под звон первых трамваев к тебе врывается ни с чем не сравнимый запах свежего, только что испечённого хлеба.

И мирно, светло в твоём городе. Мирно, светло во всех других городах и посёлках нашей Родины, потому что и там ведь тоже есть такие же добрые люди, как Валентина Павловна Соловьёва. Там утро и улицы тоже пахнут тёплым хлебом.

9 900002 131355

Рисунки В. Юдина

Для младшего школьного возраста

Лев Иванович Кузьмин

ЗАВЕТНОЕ ДЕЛО

Быль

Рисунки В. Юдина

Редактор И. Куражжина. Художественный редактор О. Ведерников.
Технический редактор М. Матюшина. Корректор Н. Шадрина.

ИБ № 1602

Сдано в набор 26.04.83. Подписано в печать 21.03.84. 60×84¹/₈. Бум. офс. № 1.
Гарнитура литерат. Печать офсет. Усл. печ. л. 3,7. Усл. кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л.
3,08. Тираж 300 000 экз. Изд. № 1308. Заказ № 2252. Цена 25 коп. Издательство
«Малыш», 101463, Москва, Бутырский вал, 68.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской лите-
ратуры им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Кали-
нин, проспект 50-летия Октября, 46.

К 4803010102—085 85—84
М102(03)—84

© Издательство «Малыш» 1984